

АЛЕКСАНДР ГРЯЗЕВ

“ОГНЕННАЯ ЛЕДИ”

Хозяин новой, рубленой из гладких сосновых бревен бани был очень доволен: бригада нанятых им плотников-шабашников подвела сегодня стены под стропила.

Могли бы и раньше это сделать, да приехал хозяин недавно принимать работу, и с бригадиром Стасом Брагиным забрались они на самую верхотуру, откуда хорошо были видны ряды новеньких разноэтажных коттеджей, заборов, цветников, огородов и бань, разбросанных по пологому берегу протекающей тут речушки.

Хозяин долго и молча оглядывал открывшийся перед ним вид и вдруг дернул бригадира за рукав его рабочей куртки.

— Послушай, Станислав Николаевич, — произнес он, показывая рукой на соседскую баню и будто делая какое-то открытие. — А ведь у соседа моего банька-то повыше будет. Или мне так показалось?

Станислав тоже глянул на покрытую уже листовым железом соседскую баню.

— Да, — ответил он чуть погодя. — На два венца.

— Ну, я и говорю... Так ты мою-то еще на три рядка подними, — хлопнул по плечу бригадира хозяин. — Можно?

ГРЯЗЕВ Александр Алексеевич родился в 1937 году в селе Борок Буйского района Костромской области. Служил в воздушно-десантных войсках. Работал на Череповецком металлургическом заводе. Окончил Московский историко-архивный институт. Автор книг прозы “Подобру да поздорову”, “Чтобы свеча не угасла”, “Грех игумена”, пьес “Всего два дня”, “Одиноким предоставляется общежитие”. Член Союза писателей России. Живёт в Вологде. В настоящее время — ответственный секретарь Вологодской писательской организации

— Можно-то можно. Только это уже дороже будет, Игорь Олегович.

— Об этом не беспокойся. Не обижу. Отдельно каждого премирую.

Сказал и сделал. Прикатив сегодня на своей иномарке с темными стеклами, Игорь Олегович даже и на баню подниматься не стал, а, поговорив с бригадиром и выдав ему на каждого по конверту с деньгами, отбыл в город.

— Ну что, орлы! — сказал бригадир стоявшей перед ним троице плотников, раздав деньги. — Отдыхаем до понедельника.

— Давно нора, — обрадовался ровесник бригадира Толя Забродин.

— Я уже забыл, как это и делается, — согласно вторил ему Виктор Басов.

— С чего начнем? — с готовностью глянул на бригадира самый молодой из плотников Генка Щукин. — В смысле отдыха. И когда?

— А прямо сейчас и начнем. Так что кладите деньги на книжку, на мою записную, по соточке для начала, — сказал Станислав и бросил на самодельный обеденный стол свой блокнот в синих корочках. — Потом ты, Гена, идешь в поселковую лавку... Вместе с Витей. А мы с Тохой будем вас тут ждать. Ведь сегодня еще и не обедали.

— Да и последний венец обмыть надо. По закону, по обычаю, — подержал бригадира Тоха.

— Мы разве против, — сказал Виктор, собирая деньги. — Законы соблюдать надо, я человек законопослушный.

...Ходили гонцы недолго, благо магазин был рядом. И бригадир их похвалил, но Генка, однако, был недоволен.

— Могли бы и быстрее, — сказал он, доставая из сумки бутылку “Забористой” и пакеты с закуской.

— А что случилось?

— Да в очереди впереди нас баба стояла. Долго выбирала того да этого. Потом долго искала в сумке кошелек, а потом стала еще и в нем копать. Так и хотелось её из магазина выкинуть.

— Бесплезно... Тогда надо каждую вторую выбрасывать. Да и чего с бабами спорить — пусть живут, как хотят, — философски заметил бригадир.

— Это точно, — подтвердил Тоха, расстилая на столешнице старые газетные листы. — Мы лучше за их здоровье сейчас выпьем.

Когда скорая трапеза была готова, бригадир первым поднял свой пластмассовый стаканчик.

— Ну, братцы, за окончание очередного сруба и укладку последнего венца.

— Да чтобы стоял долго, — добавил Толик.

Все согласно кивнули и выпили. Потом шли за будущие стропила, за бригадира и новую работу, которую скоро ему предстоит для них искать.

— Слушай, Стас, — вдруг сказал бригадиру Тоха Забродин и ткнул пальцем в газету на столешнице. — А ведь тут про тебя анекдот напечатан.

— Чего еще придумал?

— А вот послушай... Кричит на стройке одна баба другой: “Нинка, слышала — нашего-то бригадира триппером наградили!” А та ей отвечает: “Ну и дураки! Зачем дают — ведь все равно пропьет!”

— А почему это про меня? Меня ничем таким и другим прочим никогда не награждали... Хотя, у нас Нинка-крановщица работала. Веселая такая баба была. Помнишь, как она однажды пришла на работу и говорит: “Ой, меня вчера под мостом изнасиловали, завтра опять пойду”.

— Да ты чего, Стас? Это же анекдот.

— Так ведь и я про то же. А наша жизнь — что?

— Это правда, — вмешался в разговор Виктор. — Жизнь и есть первый анекдот... Вот однажды с моим знакомым пенсионером случай был... Да... Так вот, попал он в больницу с желудком, и пошел я его, значит, навестить. Прихожу, а мне говорят, что Володю ночью увезли в дурдом. А что, спрашиваю, случилось? И мне рассказывают... Снится Володе ночью сон, что его, Володю Кабакова, вызывают срочно в Кремль, к самому президенту...

— К нынешнему?

— Нет... К тому, первому.

— Ну, а дальше-то?

— А дальше было так... Зашел Володя будто бы в какую-то светлую комнату, президент его встретил, в кресло усадил и говорит: “Уважаемый товарищ Кабаков. Я пригласил тебя как старого и верного члена нашего демократического движения”. — “Так точно, — отвечает Володя. — Уже много лет я верой и правдой служу этому великому делу”. — “Готов ли ты еще послужить на благо народа?” — “Готов, товарищ президент, — отвечает Володя. — А в чем дело-то состоит?” — “А в том, — говорит президент, — что наша страна находится сейчас в очень трудном положении. У нас очень много проблем... Демократию-то нам установили, а что с ней делать — не сказали... Люди побежали за границу, сотни тысяч людей. Женщины стали меньше рожать, число разводов превысило число браков. Смертность народа превышает рождаемость, и численность населения стремительно падает. Такого бардака у нас никогда не было. На карту, говорит, поставлено само существование нашего государства. Отечество в опасности. Надо поднимать рождаемость, и в связи с этим мы тут, в Кремле, посоветовались, и я решил... Короче говоря, назначаю тебя, товарищ Кабаков, главным осеменителем нашей демократической страны”. Володя с кресла вскочил, руки по швам сделал: “Спасибо, говорит, за доверие. Только почему меня-то выбрали?” — “А потому, что из всех честных членов движения остался один ты, товарищ Кабаков. Остальные Западу продались. На тебя только и надежда. А то придет еще какой-нибудь Раздолбайс со своим рубильником, да и повернет его не туда. И будут у нас рождаться дети-недоумки. А этого мы допустить не можем. Повторяю: надежда только на тебя”. — “Доверие постараюсь оправдать, — сказал Володя. — Когда прикажете начинать?” — “Приступай немедленно, товарищ Кабаков. Это будет твоим вкладом в нашу демократию”.

Володя думал недолго. Снял штаны и в соседней женской палате полез на первую попавшуюся кровать. Поднялся крик. Володю связали и милицию вызвали. А те ребята, как только с ним заговорили, то сразу поняли, что это не их клиент, и увезли его в психушку. Такой вот анекдот из самой жизни.

— Да, — смеясь, изрек Тоха Забродин. — Бывают в жизни шутки, сказал индюк, слезая с утки.

Он взял со стола газетный лист с рекламой и предложил:

— А что, мужики, не сходить ли и нам на ледоход?

— Это еще куда? — не понял бригадир.

— А вот тут адресов много, телефонов то есть. Любой выбирай и бери девочку на свой вкус. Хоть Анжелику, хоть Клеопатру или Веронику в сауне. Можно залезть даже на “Седьмое небо”, а вот: “Жена на час”, или “Огненная леди” на “Острове любви”. Даже “Снегурочка” есть.

— Дай-ка я гляну, — заинтересовался бригадир.

Газетная страница была сплошь усеяна фотографиями девушек по вызову с номерами их телефонов и с именами-псевдонимами.

— О, да тут одни молодые леди.

— Все эти леди с приставкой буквы “бэ”, — сказал Витя Басов.

— Ты, конечно, прав, Витя, но согласишься, что они настоящие красотки. А?

— Не нами сказано: “Сквозь призму водки — все красотки”.

— Ну, ты это уж очень грубо, Витя. Нельзя так о девушках, да к тому же о тех, с кем желание есть познакомиться поближе... А вот тебе, Гена, какие девочки больше нравятся? Толстые или тонкие?

— Такие... Полненькие.

— Почему?

— Так подержаться есть за что.

— Ну вот, еще один извращенец... Эх, была не была. Я выбираю... Границю... Хотя нет — Клеопатру. Ух ты, глаза разбегаются. А ты, Тоха?

— Моя — Огненная леди.

— Решено! — хлопнул в ладоши бригадир.

— Да вы чо, мужики! Серьезно, что ли? — удивился Виктор.

— Серьезней не бывает, — бригадир вновь стал разглядывать газету. — Не всё ведь черный хлеб жевать — и пирога охота. А тут, посмотри, сколько пирожков, сдобных булочек да пышек. Ешь — не хочу.

— Я и так не хочу.

— Дело добровольное... А ты, Гена, чего молчишь?

— Ага, разбежались, — отозвался Гена. — Одному эту, другому — ту. Во-первых, все эти снимки взяты из иностранных журналов. Девчонки в жизни совсем другие, обыкновенные. Во-вторых, где вы их принимать собираетесь? Здесь или к ним поедете?

— Откуда я знаю, как это делается, — искренне ответствовал Стас. — А ты что, уже знаком с этим делом?

— После армии работал в одной конторе... И мы однажды так же вот с мужиками вызвали девочек стриптиз танцевать.

— Танцевали?

— Танцевали, конечно. На столе.

— А что потом было?

— Что было потом — не помню. Я проснулся под столом.

— Да, дело это новое в области услуг. А все новое привлекательно. Как же нам начинать? Подскажи, Гена.

— Один ты можешь звонить по любому телефону и договориться сам. Если же мы берем четверых, то надо звонить вот сюда, в досуговый центр, — ткнул пальцем в газету Генка. — Тебе ответят, и ты сделаешь заказ. И привезут тебе девочек, куда укажешь.

— Так ко мне на квартиру. У меня жена в отпуске аж в другой области. И стол для стриптиза есть.

— У меня жена тоже в деревне, — сказал Тоха Забродин. — Завтра сам туда поеду.

— И сколько же все это удовольствие стоит? — снова спросил бригадир Генку.

— Рублей по триста с носа за час.

— А что в этих объявлениях обозначает “плюс 20 минут”?

— А поговорить, — вставил Тоха.

— Откуда я знаю, — сказал Генка. — Будешь звонить и спросишь.

— Лады, — довольно потирая руки, заключил бригадир. — Тогда, братцы, деньги на книжку! Как всегда, на мою. Ты тоже, Витя, давай. Уж грешить, так всем вместе. Или тебе денег жалко?

— Денег мне не жалко... Да и посмотрю, что у вас получится.

— Чего ты, Витя, так агрессивен настроен? Это ведь нам с Тохой надо будет потом каяться. Ты же разведен, а Генка вообще холостой.

— Я почти холостой. Живу с одной гражданским браком.

— Каким гражданским браком?

— Ну, не расписаны мы с ней, — уточнил Генка.

— А я расписан со своей в загсе. Тоха тоже. Это мы и живем гражданским браком. Или каким?

— Не знаю, так говорят.

— Да придумали все, — вновь заворчал Виктор, — ради оправдания греха. Есть два вида брака. Церковный, когда в церкви венчаются, и гражданский, когда в загсе расписываются. Всё остальное называется сожительством, или брак языческий, скотский, как у обезьян или дикарей первобытных.

— Фу, как ты опять грубо, Витя, — засмеялся Стас. — Нет, брат, тебе определенно надо женщину, чтобы помягчел. И чем скорее, тем лучше.

— А чего тогда сидим, языки чешем, — подал голос Толик Забродин. — Потопали, что ли, на дело.

— Потопали, — согласился бригадир. — Значит, делаем так... Сейчас на автобусе доезжаем до вокзала. Там пешком идем до моего дома. Оттуда звоним в досуговый центр. Лады?

— В лавку бы надо зайти, — напомнил Генка.

— Это само собой, — успокоил его бригадир. — Там все рядом есть...

...Дорогу от коттеджей до автобусного кольца на окраине города одолели быстро. Только было нестерпимо жарко от горящего на синем небе солнца, а на городском асфальте стало еще горячее. Солнце, хоть и клонилось к закату, но еще калило и землю, и воздух.

— Стас, — взмолился Толик, — немогоду... Давай зайдём в пивнуху. Вон там, в подвале. Охолонимся пивком.

Видно было, что все подумали о том же, и, молча согласившись с Толиком, побрели к бару.

Там особой прохлады не было, но холодное пиво с вяленой чехонью всех оживило.

— Я предлагаю сделать опрокидончик, — сказал бригадир после первой кружки. — Всего один, по соточке.

Возражений не последовало, и из бара на жаркую улицу все вышли в добром настрое, в котором пребывали до самого вокзала.

— Ну, так что, братья, — заговорил Стас, когда все вышли из автобуса на привокзальной площади. — Моя сберкасса похудела ровно на триста рэ. Стало быть, одну леди мы уже пропили... Чью? Может, твою, Витя? Ты не возражаешь? Извини и не обижайся.

— Не больно и хотелось, — ответил Виктор. — Только я вот что посоветую.

— Давай... Имеешь право совещательного голоса.

— Идите-ка вы лучше к памятнику трактору на проспекте Труда.

— Это еще зачем? — не понял бригадир.

— Там такие же леди с буквой “бэ” каждый день толкутся. Их еще “трактористками” зовут. Берите и идите, куда хотите. Дешевле и проще, чем на дом вызывать.

— Спасибо, Витя, за дельный совет. Может быть, и воспользуемся. Но ведь у этих “трактористок” на лбу ничего не написано. Что, подойти и спросить? Так и по рожке можно получить.

— Ничего и никого не надо спрашивать. К вам сами подойдут, спросят: мужчины, девушек не желаете? Вот и всё.

— Кроме слов благодарности, ничего тебе, Витя, сказать не могу. Пошли, братцы! — позвал Стас Генку с Толиком и первым зашагал на другую сторону площади, откуда начинался проспект Труда...

...У колесного трактора, стоявшего на высоком постаменте — памятника далеким дням коллективизации сельской жизни, — народу было немного. Лишь на одной из скамеек сидели и тихо разговаривали две старушки. Да на другой, от них в стороне, весело щебетали трое совсем молоденьких девиц. Можно было и не обращать на них внимания, но все трое курили сигареты и пили пиво из бутылок.

— Может, к ним подойти? — спросил Стас ребят, когда они сели рядом с ним на скамейку. — Как раз три.

— Тебе же сказано — сами подойдут, — ответил Толик.

— Что-то не подходят... А ведь пьют и курят.

— Эка невидаль. Да сейчас даже первоклассника этим не удивишь. Это мы в детстве на курящую женщину смотреть бегали, как на чудо.

— Курилку целовать все равно, что пепельницу, — почему-то вставил свое слово в разговор Генка. — Да, если они не те, то и отоварить бутылкой в лоб могут.

— Так-то оно так, — согласился с друзьями бригадир, но все же встал и прошелся вдоль скамьи с девочками.

Но те даже и внимания на него не обратили, а вскоре и совсем ушли, оставив на лавочке пустые бутылки.

— Тихо тут почему-то и никаких “трактористок” нет, — разочарованно произнес Стас.

— А я, кажется, догадываюсь, почему их нет, — вымолвил Генка.

— Ну и говори.

— Дураки мы... Ведь их, девок-то, называют еще ночными бабочками. Значит, выходят они на работу в ночь поздним вечером. Так что сейчас мы их не дождемся.

— Гена, у тебя не голова, а Совет федерации.

— А что дальше? — спросил друзей Толик.

— Пойдем еще раз по пиву ударим, — предложил Генка. — Время-то и скоротаем.

— Хоть куда. Мне все равно, — согласно кивнул Тоха.

— А пошли-ка мы в баню, — решительно сказал Стас. — Бар там хороший, я бывал...

...Бар при старой городской бане был действительно хорош. Совсем не то, что банный буфет в прежние, хотя и не очень далекие времена, когда и бутылка пива была редкостью. Теперь же тут всегда лилось свежее бочковое пиво, подавались разные напитки на любой вкус и такие же разные закуски.

А посему, после долгого сиденья, мужики вышли из бани опять в благостном расположении духа.

— Хорошо, — произнес бригадир, поглаживая грудь.

— Ага, — подтвердил Генка. — При хорошей закуске да безвозмездно пить можно до бесконечности.

— Почему безвозмездно? Мы на свои кровные пили-ели. И оставили в баре еще триста рэ. И кажется, что это мы твою бабочку пропили, ночную. Ты уж, Гена, извини.

— А я чо? Я не против. Все равно никаких девок нет. Поеду домой. А вы?

— Деньги будут — девки будут. Мы с Тохой еще подождем.

— Ну, тогда счастливо, мужики, — сказал Генка и пошел к автобусной остановке.

На улице уже было по-вечернему прохладно, но светло, и у “трактора” народу всё еще не наблюдалось, кроме все тех же сидевших на лавочке старушек да лазающих по памятнику ребятишек.

— Ну что, так и стоять будем? — подал голос Толик.

— Да нет, пойдем ко мне. Подождем еще, а потемнее станет, и сходим сюда. Не может быть, чтобы их вообще не было. В случае чего по телефону вызовем: те работают круглосуточно.

Дом Стаса находился совсем недалеко от бани, в глубине квартала, и они скоро уже заходили в его трехкомнатную квартиру, выходящую всеми окнами в тихий городской дворик.

— Иди, освежись, — предложил Стас и пригласил друга в ванную.

Толик ополоснул лицо и подставил голову под упругую и прохладную водяную струю.

— Здорово-то как! — восхищенно сказал он, выходя из ванной и устраниваясь на диване перед телевизором. — Слушай, Стас, а может, и не надо куда ходить? Вечер уже.

— Ну и что, — утираясь полотенцем, ответил Стас. — Я все равно пойду. А ты сиди, включи телевизор и отдыхай. Я по пути в лавку зайду.

И, взяв пакет под продукты, Стас хлопнул дверью. Обратный он пришел быстрее, чем ожидал Толик.

— А где леди? — спросил он друга и выключил громко говорящий “ящик”.

— Ты знаешь, Толик, опять у трактора никого нет. Или всех уже разобрали, или у них сегодня выходная ночь. Подумал я, подумал, да и взял вот эту.

Стас достал из пакета и поставил на стол бутылку водки, на которой, к удивлению Толика, красовалась яркая цветная этикетка. Точно такая же, как в газетной рекламе, и с таким же названием — “Огненная леди”.

ТРЕБУЕТСЯ БАНЩИЦА В МУЖСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Когда Иван с морозной и ветреной улицы зашел в теплое здание бани, то сразу же почувствовал какое-то успокоение, а представляя, что через несколько минут будет сидеть в парилке с её стоградусной жарой, он и вовсе отмяк душой.

Иван купил в кассе билет, полотенце и березовый веник, который хоть

был неказист и тонок, но запах его сухих и шуршащих листьев напоминал июньскую пору деревенского лета.

Сдав полушубок в гардероб, Иван зашел в мужское отделение. Банщика на привычном месте за столом у двери не было, и, поискав его глазами, Иван наколот билет на тонкий металлический штырь, стоявший тут же на белой скатерти. В свободном закутке раздевалки он стал неспешно раздеваться, отмечая про себя, что в бане с той поры, когда был здесь в последний раз, очень многое изменилось и переделалось.

Народу в этот дневной час пришло немного, и оттого было тихо. Слышалось даже тиканье больших часов с маятником над столом банщика. Раньше, как хорошо помнил Иван, здесь бывало намного шумнее и как-то уютнее, что ли. И, глядя на новые кафельные стены, он подумал, что при любой переделке старого исчезнет нечто такое, от чего при воспоминании о прошлом набегают в душе какая-то волна нежной и светлой грусти.

Заняв в мойке мраморную скамью и замочив в горячей воде венник, Иван прошел в парилку. Там, на удивление, никого не оказалось, и он, поднявшись на самый верх полка, сел на горячую лавку. Сухой жар был вполне терпим, да Иван и не относил себя к заядлым парильщикам, которым почему-то всегда не хватает жару. Эти “спецы” банного дела заходят в парилку в колпаках и брезентовых рукавицах, выливают на шипящую каменку целый ушат воды, а нагнав нестерпимый жар и похлеставшись на полке мину-ту-другую, первыми убегают в предбанник.

Все же остальные, без рукавиц и колпаков на головах, сидят как ни в чем не бывало и еще долго парятся, иронично посмеиваясь над “спецами”.

Долго одному Ивану на полке посидеть не пришлось. Вскоре в парилку потянулись мужики. Шумно вздыхая и переговариваясь, они стали подниматься на усыпанный березовыми листьями полок, предвкушая наслаждение от парного действия. Позади всех зашел и небольшого роста пухленький мужичок в белой лыжной шапочке, натянутой на уши, и в таких же белых перчатках. Он не поднялся по ступеням вместе со всеми, а подставил ушат под кран, стал набирать горячую воду. Иван, зная, что будет дальше, спустился с полка парилки.

На лавках для отдыха сидели только два старичка и о чем-то вели негромкий разговор, очевидно, вспоминая прошлые годы. А вообще-то это место в бане было всегда самым бойким, шумным и богатым на всякие разговоры. Здесь решались любые проблемы, вплоть до мировых, здесь рушились былые авторитеты и новые личности возводились на пьедестал, здесь сообща искали ответы на самые сложные вопросы и рассказывали анекдоты на все случаи жизни и жизненные истории, похожие на анекдоты, ибо здесь не было ни чинов, ни званий, ни должностей, все в этом предбаннике были равны, хотя и разногласны. Так что Иван знал давно: если хочешь узнать, о чем думает русский мужик, что его заботит и радует, то иди в парную. Правда, можно еще и в нивную.

Из парилки стали выходить раскрасневшиеся мужики, а Иван поспешил туда, и на этот раз с венником.

Выскочив вскоре оттуда, он чуть не столкнулся у дверей с женщиной в белом халате и белой же, повязанной по-девичьи косынке, убиравшей шваброй мокрый плиточный пол.

— Что с тобой? Не ошпарился ли? — спросила она и подняла голову. — Ой!.. Крутов, ты что ли?

— Я вроде, — растерявшись от неожиданности, сказал Иван.

— Ты как тут очутился-то?

— А ты?

— Я здесь работаю.

— А я только сегодня утром приехал и вот попариться решил.

— Давненько я тебя не видела, Крутов. Года три, поди... Да ты чего прикрываешься-то? Меня стесняешься, что ли? Так я вроде как твоя законная жена.

— Бывшая, Нин, бывшая.

— Ну, ладно, ладно... Давай тут не будем. Пойдем.

Они вышли в раздевалку, и Нина, заглянув в кладовку, подала Ивану чистую простыню.

— На, прикройся, Иван-непорочный, — сказала она, усмехнувшись.

— Я за простыню не платил. У меня полотенце.

— Да ладно, сочтемся — свои люди. Как попарился-то?

— А всё добро. Два захода сделал.

Нина явно была удивлена встречей.

— Чего я это не заметила, как ты зашел? Видно, у девок в женском отделении была, чай пили. Слушай, может, тебе чаю принести? — предложила она и полезла в тумбочку.

— Нет, не надо, — замотал головой Иван, заворачиваясь в простыню. — Я потом в буфет зайду... А тут всё по-другому стало.

— Так ведь капремонт был. Переделали все, обновили.

Иван сел на лавку у стола, по другую сторону от Нины. Он почему-то чувствовал себя неловко, еще утром обдумал, как скажет ей при встрече о самом главном, ради чего приехал, а сейчас совсем не знал, о чем говорить. Да и Нина была тоже заметно смущена.

— Здесь раньше в мужском отделении банщиком-то Володя Ермаков, кажется, работал. Уволился, что ли? — спросил Иван, чтобы не затягивать молчание.

— Уволили за пьянку.

— Ну, а ты как сюда попала?

— А чо я? После Володи и попала.

— Да я не об этом. Как вообще ты в бане оказалась?

— Ну как. Обыкновенно. Пришла и работаю.

— Я заходил сегодня в твою контору. Говорят — уволилась давно.

— Ой, давно, — махнула рукой Нина. — Года два как. Переманили меня в ресторан. А там... О, Господи, одни алкаши каждый день. Самой спиться можно. Пошла в магазин продовольственный, там не лучше. Одни скандалы. Покупатели — чистые волки, да и продавцы не овечки. Вот однажды какой-то мужик и послал меня в баню. А я взяла да и пошла. И, знаешь, до сих пор не жалею. Хорошо здесь: чисто, спокойно, уютно и никакой суеты. Никто не кричит и не хамит. А всё потому, что люди приходят сюда отдохнуть душой и телом. А я им в этом помогаю. Прихожу на смену, все уберу, вымою, протру и двери отворю — заходи, мужики...

— Снимай штаны, будем знакомиться, — вставил Иван с какой-то ехидцей.

— А ты не смейся. Это работа и дело серьезное.

— Странно все-таки видеть тебя здесь.

— Почему?

— Ну, ты еще молодая. Ведь немного за тридцать, и одна тут весь день среди голых мужиков.

— А чо, мужики тоже люди. На работе напизгаются, в автобусе надавятся, с женами налаются, и вот идет такой мужичок к нам чуть тепленький. А мы его, родного, горячим парком с веничком да лечебным массажем. Скоро вот бассейн будет. Да у нас не баня, а целый медицинский институт! И идет от нас ваш брат и улыбается. С мужиками будешь по-хорошему, так и они к тебе хорошо. А что голые, так на то и баня. Сперва, правда, стеснялась, а теперь привыкла.

К столику подковылял седенький, маленький и голый старичок.

— Простынку бы мне, дочка.

Нина подала старичку простыню.

— Вот видишь, — довольно сказала она, когда старичок отошел. — Меня тут все так ласково зовут. То дочкой, то сестрицей, то девушкой. Мелочь, как говорится, а приятно.

— После Володи у вас, наверное, конкурс был: “Мисс баня номер один”? Или в газете объявили: требуется банщица в мужское отделение?

Иван опять спрашивал с ехидцей, но Нина будто и не заметила этого.

— До газеты не дошло. Просто директор вызвал и сказал почти так, как ты. Нужна, говорит, банщица в мужское отделение, и решил тебя туда

поставить. Ты, говорит, по всем статьям подойдешь: молода и хороша — мужчинам на радость. Даже старикам-пенсионерам здоровья прибавится. Я не отказалась и возражать не стала... Да что это ты все меня-то пытаешь? — вдруг спохватилась Нина. — А сам про себя не говоришь. Чего приехал-то?

Иван понял, что теперь наступил его черед рассказывать, о чем спросят, но ему этого не очень хотелось.

— К тебе и приехал, — ответил он не сразу. — Тебя искал.

— Ну! — воскликнула Нина. — Долго больно искал. Четвертый год пошел, как от тебя ни слуху ни духу.

— А ты чего в прошлом году в суд не пришла? Там бы и встретились. Я два раза приезжал, а развода так и не оформил. И все потому, что ты в суд не явилась. Чего тянешь-то?

Нина на этот раз ответила тоже не сразу. Она встала, зачем-то заглянула в кладовку и, вернувшись, опять села к столику по другую сторону от бывшего, но для нее пока еще настоящего мужа.

— Знаешь, — наконец заговорила она, — мужней женой все же лучше быть, чем разведенкой. Недавно паспорт раскрыла, когда на почту ходила, а там написано: зарегистрирован брак с гражданином Крутовым Иваном Сергеевичем. И все об этом знают... Да, ладно, прими это за шутку. А если серьезно, то я не считала и не считаю себя виноватой.

Теперь Иван вскочил со стула и прошелся по раздевалке. Завернутый в белую простыню, он походил на древнего грека с картинки из учебника по истории древнего мира. Это рассмешило Нину, и она едва не расхохоталась.

— Ну, чего кругами-то заходил? — сказала она и, заметив, что Иван оглядывается по сторонам, добавила: — Не бойся, им не до нас.

Иван снова сел и, наклоняясь через стол к Нине, заговорил негромко, но твердо.

— Значит, ты ни в чем не виновата? Значит, ты в тот день в ресторан не ходила?

— Меня Зинка затащила прямо с работы. У нее день рождения был.

— Мы с дочкой дома, а ты с подругой в ресторане. Ну да ладно, это я тебе простить бы смог. Но ведь ты тогда домой ночевать не пришла. А когда узнал, что из ресторана вы с Зинкой с хахалями вышли, и к ней домой, то мне все стало ясно.

— Они нас только до подъезда проводили.

— Рассказывай... А чего ты домой не пошла?

— Так ведь поздно уже было. И ничего другого...

— Ладно, хватит. Неужели ты думаешь, что я выяснять буду? Уж если тогда не стал... Просто собрал чемодан и ушел.

— Мог бы и по-другому. Ну, избил бы в конце концов, а ты сразу же всё и порушил. Даже в другой город уехал.

— Избить, говоришь? Да как же я бы после этого с тобой жить-то стал? Я должен был тебе верить. Как же без веры-то жить? Нет, не по мне так...

— Мужики вон и не такое своим бабам прощают.

— Это не мужики.

— Один раз оступилась, так можно было понять и простить.

— И одного раза хватит, чтобы всю жизнь испортить и себе, и людям.

Нина вдруг глянула на Ивана глазами, полными слез. Она хотела что-то сказать, но лицо ее как-то жалко сморщилось, и, чувствуя, что вот-вот расплачется, она быстро и молча ушла в кладовку.

Париться Ивану больше не хотелось, и он направился в свой закуток одеваться, а когда вышел оттуда, то Нина уже сидела на своем месте за столом. Никаких следов слез на ее лице не было. Только исчезла с него недавняя веселость. Иван положил перед нею сложенную простыню.

— Ты, Нин, это... — заговорил он первым. — Прости меня... Я не должен был тебе здесь всего этого говорить. Знаешь, я готов поверить, что вы тогда с мужиками не ночевали, да только поздно. Я почему развода-то доби-ваюсь?.. Женился ведь я, Нин...

— Женился? — не скрыла удивления Нина. — Полюбил кого или пожалел?

- Ну, это уж моё дело.
- Давно?
- Скоро год... У нас уже и ребенок родился. Сын... Так что ты, Нин, через месяц в суд приходи, оформим все как положено.
- Ладно приду, что с тобой поделаешь.
- Дочка-то как?
- Вспомнил все-таки. А я думала, что забыл.
- Я о Наташке все время вспоминаю. Разве ты деньги не получала?
- Всё получала. Дело не в деньгах. Пришел бы вечером, повидал ее. Она уже во второй класс ходит.
- А я сейчас к ней зайду.
- Она в школе, на продленке. Я-то сегодня здесь.
- Ну так я в школу и пойду. Пока.

Иван толкнул плечом тонко скрипнувшую, будто всхлипнувшую дверь и вышел в коридор, а потом и на улицу. Чуть погодя следом за ним в коридор выбежала Нина. Она приоткрыла двери и, не замечая мороза, долго глядела на уходящего Ивана, пока тот не скрылся за спинами бредущих по улице людей.

*Верному другу нашего журнала, вологодскому писателю
Александру Алексеевичу Грязеву — 70 лет.*

*От всей души поздравляем его, желаем счастья, здоровья
и творческих успехов!*